

“русские эмигранты завидовали папе”

Марина Шаляпина-Фредди — Газете

65 лет назад в Париже скончался великий русский бас Федор Иванович Шаляпин. О гениальном певце и выдающемся артисте вспоминает его дочь **Марина Шаляпина-Фредди**, живущая в Риме. Специально для **Газеты** интервью у дочери Шаляпина взял **Андрей Мурзин**.

Эта дата отмечается в Риме?

К сожалению, здесь это никак не отмечалось, как-то не до того. В мире война — и об искусстве забыли. Сегодня тут и о Карузо-то вспоминают редко.

Но Рим — не вся Италия...

Нет, Италия все-таки держится Римом. И это никогда не изменится.

Ваш брат Федор Федорович ведь тоже жил в Риме?

Нет, он жил в Монте-Марио. Хороший был актер, но его беда была в том, что прошло время немного кино, а он имел проблемы с акцентом. А в немом больше сыграл бы. Хотя и в звуковом играл все же немало. «Имя розы», помните?

Ваши отношения с детьми Федора Ивановича от его первого брака с Иолой Торнаги были напряженными?

Конечно, они немного ревновали, и в отношении моей мамы Марии Валентиновны тоже, но отношения были добрыми и уважительными.

Окончание на странице 13

Газета. - 2003. - 16 апр. - с. 1, 13.

“русские эмигранты завидовали папе”

Марина Шалыпина-Фредди — Газете

Окончание. Начало на странице 101

Так грустно, что когда перезахоронили отца в Москве, то не перезахоронили рядом маму. Как можно было так сделать?.. Они были так близки. Но вы знаете, ведь в Советском Союзе как-то так относились к папе... Конечно, он ведь не был активно против царя, он скорее был за царя, но и за конституцию при этом, считал, что должно быть больше свобод у народа, пел в Народном доме про красные знамена — я это сама помню, хотя, конечно, такой позиции, как у Горького, например, у папы не было.

А что он говорил о России, будучи в эмиграции? Ему было тяжело говорить о России, тяжело было слышать о том, что происходило на его родине.

Кажется, Федор Иванович хотел лежать в волжской земле, а совсем не на Новотроицком кладбище? Да, он иногда говорил об этом, потому что волжская земля для него была самая близкая.

А вы вообще давали согласие на перезахоронение? Да, потому что считала, что папа должен покоем в русской земле, пусть и не на Волге, но в русской.

Я помню, что на погребение праха никого из почитателей таланта Шалыпина не пустили, только чиновники были... Были представители Министерства культуры, артисты, но меня удивило, что не было никого из правительств.

А церковная панихида вообще была? Я прилетела в Москву сразу из Рима. Может быть, была панихида на кладбище Батиньоль в Париже или в церкви на Рю Дарю, в соборе Святого Александра Невского, где папа пел не раз с хором. Я знаю, что в Москве панихиды не было. Вы знаете, я ведь, к сожалению, и при панихой смерти не была. Он умер в пять вечера, а я прилетела в Париж в 12 следующего дня. Тогда аэропланы из Италии летали только три раза в неделю. Прилетела с огромным окороком для папы — он очень любил пармскую ветчину. И в аэропорту таможенник в одной руке держит мой паспорт, а в другой у него газета, и спрашивает меня: «Вы не родственница?..» И тут я потеряла слух и увидела во всю страницу латинский портрет в траурной рамке... Я думала, что и сама тут же умру. Папу похоронили на маленьком кладбище Батиньоль, мы с ним вместе выбирали это место. Он сказал: «Тут хорошо, птички поют...».

А почему не на Сен-Женевьев де Буа? Папа не хотел. Он ведь был довольно далек от русского эмигрантского круга, ему очень завидовали. Его, конечно, похоронили бы на Пер-Лашез, но не было места. И мама тоже на Батиньоль.

Как вы считаете, надо перезахоронить и Рахманинова? Зависит от его потомков, наследников. Но я думаю, что он тоже должен лежать в русской земле. Он ведь был таким русским человеком — во всем. Я его очень хорошо помню, потому что часто гостила на его вилле «Сенар» в Швейцарии. Много, много раз... Звонила: «Сергей Васильевич, можно приехать к вам?» — «Ну, приезжай». И я ехала. Всегда были концерты, Рахманинов играл по два-три часа подряд. Шутил, смеялся... Папа говорил, что Рахманинов был и лучшим дирижером в мире. Он много выступал с Артуро Toscanini, но лучшим дирижером считал Рахманинова. Хотя Toscanini, скажу я вам, это была сама музыка.

Дали уезжал в Париж и сказал мне: пойдёмте в «Греко», а потом собирать листья в Пинчо — там растут те самые листья, что на коринфских колоннах изображены. И вот мы лазили по горам и собирали листья, а все вокруг нас смотрели с удивлением

Вы и его знали? Ну знала-то я очень многих. Вот только Вертинского не знала. Помню только, мама говорила, что он декадент, и он ей не нравился, а папа о нем вообще не говорил, во всяком случае я не помню. А Toscanini... Он почему-то меня как-то особенно любил. Мы часами могли с ним говорить о музыке, он интересовался моим мнением. Хотя почти со всеми суровым был человеком и порой вовсе никого не хотел видеть. А когда был уже очень плох, болел в Нью-Йорке, сказал своей дочери Валли (а с ней я очень дружила): «Пусть Марина зайдет ко мне». И я зашла. И снова говорили, и он был в хорошем настроении.

Я думаю, вы знали и зятя Toscanini — Владимира Горовица, которого называют «последним романтиком». Он был очень трудный. Конечно, я его знала, так как он был мужем Ванды Toscanini, сестры Валли. Был странный, нервный безумно.

Но любил Ванду? Конечно, был к ней привязан. Но он, знаете ли, он же был, как бы это сказать, педераст. Хотя вовсе не был красив. Знаете, был, что ли, каким-то отставшим от всех, и от времени тоже. Человеком из другого времени. Хотя и веселым, смешливым таким. Играл, конечно, изумительно — я его слышала в Калифорнии, в Венеции, где жила некоторое время, когда работала в области туризма.

?.. Я занималась «паблик релейшенс», говоря современным языком, и заманивала в лучшие отели Венеции самых богатых туристов со всего мира. Помню такую мадам Неф. Она жила в Палм-Бич, и у нее был белый бриллиант величиной с два пальца, я больше никогда такого не видела в своей жизни. Я и ее привезла в Италию. Это была очень интересная работа, потому что я много ездила — только в Америку раз шестьдесят. И мне очень хорошо платили.

Муссолини особенно себя умел подать, такая натура была... Что-то от Наполеона, конечно. Он был прекрасным оратором, и у меня есть полное собрание его спичей. Был очень умным, образованным, казалось, что знал просто все

И вас не угнетала в Венеции тамошняя грусть? По-моему, в этом городе жить невозможно... Это для пессимистов. Для Томаса Манна, для Лукино Висконти... Венеция такова для людей-декадентов. Для старых, уходящих семейств, каков род Висконти. Они воспринимали ее такой. А я... Я вот что вам скажу: я удосужилась даже быть моряком. У меня есть и специальный морской паспорт, а это редкость, особенно для женщин. Я очень любила море — больше, чем землю — и морских людей очень любила. И хотя я не могу, конечно, водить пароход, но была первым офицером — это как хозяйка дома, что ли... Занималась пассажирами, развлечениями, устраивала детские игры, в чем мне очень помогало знание пяти языков. Муж говорил мне, вернись на землю. Но я уплывала в море и была вне суши по девять месяцев в году.

А кем был ваш муж? Журналистом, одним из лучших в Италии. Хотя в самом начале скромно стоял у ворот газеты «Пополо д'Италия» и ждал, когда его заметят.

Кто?!. Муссолини, конечно. Ведь он руководил этой газетой.

Тот самый Бенито, будущий дуче?.. Ну да, конечно. И он спросил наконец: «А что вы тут ждете, молодой человек?..» — и взял Лукино на работу. Потом муж познакомил меня с Муссолини — в Римской опере. А еще я видела диктатора один раз в машине — он ехал в Сало и отсалютовал нам с мужем.

Каким он был? Муссолини особенно себя умел подать, такая натура была... Что-то от Наполеона, конечно. Он был прекрасным оратором, и у меня есть полное собрание его спичей. Был очень умным, образованным, казалось, что знал просто все.

Во время войны в Италии было тяжело? Везде было тяжело. Я ездила в Германию — и там был страшный голод. В Италии все же не так, потому что итальянцы всегда сумеют устроиться, что-то припасли, и потому, между прочим, многие приезжали в Италию — чтобы хоть как-то выжить.

Правда ли, что вы храните кольцо человека, который отказался работать с Муссолини? А, Габриэле д'Аннунцио... Он был совсем другой. Абсолютно из эпохи модерн, ар-нуво... Кроме того, что еще и авиатором был. Но главное — прекрасным поэтом. К сожалению, я с ним так и не встретила, хотя в 29-м году папа и д'Аннунцио должны были увидеться, но Габриэле не смог приехать из-за случившейся у него, кажется, инфлюэнцы. Правда, он прислал кольцо с орлом, который держит рубин в форме сердца и слова «Сердце с крыльями» — на латыни, конечно. Alis cum cor. Оно было у моего брата (от первого брака моей мамы) Эдварда, он два месяца назад умер в Америке. Эдвард прожил так долго, а его отец скончался 23 лет — из-за падения на лыжах. У него случился аппендицит, потом перитонит, и он умер.

Мне думается, что Федор Иванович иронично относился к таким людям, как д'Аннунцио, к модернистам... Папе было все интересно. И никогда не было скучно, потому что все интересовало. Он видел мир шире и дальше. Такие люди, как Шалыпин, Toscanini, Леонардо да Винчи, рождаются раз в пятьсот лет, и нам их понять трудно. А им — нас, то, что им легко, для нас совсем наоборот. Поэтому обижались на папу за его строгость, требовательность, но по-другому он не мог. Хотя к нам, детям, был всегда терпелив, добр, гонимый, конечно, если не понимали что-то, делали не так... Что же касается новых веяний, то ему... ну вот, скажем, к Бранкузи в душе у него не было чувства, потому что

Марина Шалыпина-Фредди: «Папа был довольно далек от русского эмигрантского круга, ему очень завидовали»

Он умер в пять вечера, а я прилетела в Париж в 12 следующего дня. Тогда аэропланы из Италии летали только три раза в неделю. Прилетела с огромным окороком для папы — он очень любил пармскую ветчину. И в аэропорту таможенник в одной руке держит мой паспорт, а в другой у него газета, и спрашивает меня: «Вы не родственница?..» И тут я потеряла слух и увидела во всю страницу латинский портрет в траурной рамке... Я думала, что и сама тут же умру

папа был все же классик, а Бранкузи — такой революционный модернист. Но вот Дали, я думаю, ему нравился.

Дали?.. Он был, в отличие от Пикассо, например, более чистый, лирик, создавал прекрасные пейзажи. И был невероятный романтик. Я помню, мы зашли с ним в знаменитое римское кафе «Греко», где все бывали — и Байрон, и Гете, и Шопенгауэр. Дали уез-

жал в Париж и сказал мне: пойдёмте в «Греко», а потом собирать листья в Пинчо — там растут те самые листья, что на коринфских колоннах изображены. И вот мы лазили по горам и собирали листья, а все вокруг нас смотрели с удивлением. Дали морочил всем голову, но его эпатаж был его видением мира. Например, в Париже он любил ходить обедать в ресторан, где подавали улиток. Однажды мы ехали с Дали из этого ресторана в два часа ночи,

он довез меня до дома, а шофер был русским. И на другой день этот шофер пришел к нам, мама открыла дверь, и таксист сказал робко: «Я все вчера поздно вашу дочь с каким-то человеком, у которого были такие усы...» — «Ничего», сказала мама, — это не опасно». Но усы Дали мешали, без них он был бы еще красивее. Какие глаза у него были!..

А женился на некрасивой русской Гала... Она в бизнесе разбиралась прекрасно и нужна была Дали для успеха — в этом Сальвадор ничего не понимал... А успех — это деньги, а денег ему хотелось, потому что хотелось той жизни, которую он вел.

А какой вам вспоминается Россия? Я не так много прожила в России — восемь лет, мы уехали раньше папы. У нас были советские паспорта. Мы ведь не бежали, а именно уехали, ибо Луначарский посоветовал отцу уехать — «а то тут тебя совсем доконают», — и он помог нам... А Россия вспоминается, например, балетом, потому что я занималась у Любови Егоровой в Петербурге и у Александра Волинина в Москве. И я выступала перед самим Владимиром Теляковским, который руководил Императорскими театрами. Специально для него я придумала балет «Смерть орла», а фина-

ле которого погибала, а Горький, как мне рассказывала мама, плакал. Потом уже в Париже я училась еще и у Матильды Кшесинской. И все были разные методы. Незадолго до нашего отъезда из России я заболела, и знаете, кто меня лечил?.. Доктор Манухин, лечивший Ленина. Отец позвонил Ленину, и тот дал своего врача. И я помню, как папа смотрел на меня такими глазами — только не умирай, а я думала, да я вовсе и не собираюсь умирать. Ну и потом я поправилась, мы уехали в эмиграцию; вначале в Финляндию меня отправили, в санаторию, потом в Англию, потом во Францию. Потом снова болела, меня отправляли в Давос, который я возненавидела из-за его холода. Но я зато быстрее всех всегда поправлялась. И возвращалась в Париж, где закончила гимназию, в которой, кстати, Закон Божий преподавал архимандрит отец Спасский (мы всегда так его называли). Его очень любил папа — они ночами сидели вместе, пили чай и разговаривали. Он замечательный был человек. Знаете, может быть, ему родственник наш русский посол в Италии — он ведь тоже Спасский, интересно, надо будет узнать... После балета я изучала шесть лет интерьер и архитектуру. Работала столько!.. Мама была в ужасе... С пяти утра я работала. Потом вдруг стала «мисс Россия» — в 31-м году. Я ведь об этом ничего не знала, это Бунин (которого я — вот странно — помню очень плохо; помню только, как он сделал запись мне в альбом, а он ведь часто бывал у нас дома), Куприн, Коровин старались... А я и корону-то свою отдала Ваве Яковлевне: ей очень хотелось ее иметь, а меня это как-то и особенно не беспокоило — ну «мисс» и «мисс». Один раз только надевала на гала в Гранд-Опера. Тогда, помню, меня увидел Серж Лифарь и сказал: «Марина, что это такое, надо наложить грим, нельзя в таком виде». А мы в ту пору вообще не красились, а просто умывались, чуть-чуть разве что подкрашивали губы, и все. Это не так, как теперь... А с 1939 года я в Италии, и паспорт у меня итальянский. Потому что в 20-е и 30-е у нас были французские паспорта, в которых было написано: «Национальность русская». Такие документы были всего лишь у восьми человек: у нас, у Рахманиновых и у художника Савелия Сорина. И такие документы давали нам возможность ездить по миру. Так как с советским паспортом было трудно выезжать. Но с конца 30-х продлевать наши документы отказались, ибо настали сложные времена — война. И я взяла итальянский паспорт. И вот уже 64 года в Италии, а мама всю жизнь жила в Париже.

Рим — ваш город? Я Рим люблю, хотя жила не только здесь, но и на море. Тридцать лет в Сан-Феличе-Чирчео — это там, где Улисс попал в лапы коварной ведьмы Цирцеи. Такое прекрасное место, что можно понять, почему Улисс (или Одиссей) там некоторое время остался. Какой там чудный виноград... а грозы, а вода — совершенно особенная. Так что хоть коварная колдунья и превращала путников-моряков в свиней, но им там, я думаю, понравилось тоже и от такой природы и уезжать не хотелось. Кстати, кабанов там в самом деле полно. А у меня был прекрасный дом, в саду которого рос 400-летний дуб.

Неужели в мегаполисе Риме лучше, чем в столь романтическом месте? Трудно сравнивать. Мне ведь уже 91 год, а в Риме живет моя дочь — в доме напротив, так что свой дом в Сан-Феличе я продала и переехала сюда. Я снимаю по сути дела одну большую комнату в отдельном домике с крыльцом — минут пятнадцать от центра Рима, если нет пробки (или, как мы говорим, трафика). Тут все есть — и бассейн, и барашки гуляют, старое такое место, когда-то был форт, и до сих пор сохранилась римская стена. В центре Рима жить нельзя, конечно, там такой смог всегда. А здесь чистый воздух, работаю по дому, в саду, встречаюсь с друзьями или сама к ним хожу и езжу, я за рулем — словом, никогда не сижу на одном месте, это для меня неприемлемо.

Вы не боитесь водить машину? Нет. Я вожу с давних пор и очень хорошо. Мне зять подарил «БМВ Диаболо», а раньше у меня были огромная «Изотта-Фраскини», «Ланчия», спортивная «Альфа-Ромео» и даже джип; а у друзей, которые участвовали в гонках, — «Бентли», и я тоже на ней ездила.

А кто входит в круг ваших друзей сегодня? Среди моих друзей много молодых, а вот из старых уже не так много осталось: княгиня Голицына, которая, к сожалению, страдает артритом, графиня Ферзен — с ней я даже в родстве по материнской линии (мы кузины), ее матушка Шувалова; вот графиня Ферзен еще бодрая и занимается делами церкви. Но вообще-то в Италии мало русских, в основном они ведь осели во Франции, в Германии, в США. Ну я вижу, конечно, и с русским послом Николаем Спасским. Так что, как видите, жизнь продолжается, и хотя и за границу не летаю, и вот и в Москве уже давно не была, и водку не пью, но по-прежнему курю и пью вино...

А какую же пили водочку? Ну в основном покупала «Столичную» — из России. И еще «Московскую». А знаете, хорошая и польская водка. А еще мне присылают из Уфы — «Золотой век» называется.

Что вы думаете о сегодняшней опере? Извините, звонит дочь... Простите, она принесла мне сливки для сметаны... Представляете, тут нет русской сметаны, как вообще многих русских продуктов — они все в Париже остались, а мы же, русские, любим сметану... Я сама ее готовлю. Ну так вот... Вы спросили меня об опере нашего времени... Я мало хожу — и потому, что некогда слушать. Таких, каким был мой отец или уже позже Мария Каллас, Рената Тебальди, Чезаре Сегли (прекрасный был и голос и актер такой энергичный) и даже Лучано Паваротти (который играл неважно, но голос, конечно, замечательный), таких сегодня нет. И все какие-то странные версии сегодня — не поймешь, что стоит на сцене.

Некоторые сравнивали Бориса Христова с вашим отцом... И он сам, мне кажется, так считал. Но он не был таким, ему до папы было далеко.

Сегодня вы — единственная из оставшихся в живых детей Шалыпина... Да, увы, это так...

Какими бы словами вы сказали о вашем отце? Да... Такой вопрос... Он был добрым и мудрым. Добрым, не растяпой, а добрым и строгим... в каком-то смысле греческой эстетике, быть может...